

Н.С.Юлина

Об очерке Джона Дьюи «Впечатления о Советской России»

В 1928 году Джон Дьюи посетил СССР, ознакомился с Ленинградом и Москвой, встречался с людьми культуры и педагогами, беседовал с Н.К.Крупской, посещал экспериментальные школы и детские воспитательные колонии, в том числе возглавляемую известным российским педагогом С.Шацким, и др. Дьюи не был любопытствующим визитером. В 1907 году на русском языке была издана и получила широкий резонанс его первая философско-педагогическая работа «Школа и общество» (она многократно переиздавалась вплоть до 1925 г.) затем последовало издание новых его работ: «Психология и педагогика мышления» (1915), «Школы будущего» (1918), «Введение в философию воспитания» (1921), «Школа и ребенок» (1922). Имя его было хорошо известно в философско-педагогических кругах России и его встречали как признанного классика педагогики. Что еще важнее, его идеи прогрессивного обучения широко применялись педагогами-новаторами в школьной практике. (До 1925 г. в российской педагогике пользовались влиянием идеи Л.Н.Толстого и Д.Дьюи, позднее вытесненных новой советской идеологизированной педагогикой.)

То, что Дьюи увидел в России, было для него эмоциональным ударом. По приезде домой он выступил с серией статей в журнале «The New Republic», позже опубликованных в виде очерка «Впечатления о Советской России и революционном мире», куда вошли также его заметки о посещении Турции, Мексики, Китая, Японии (D.Dewey. Impressions on Soviet Russia and the Revolutionary World. N. Y., 1929). Материал, относящийся к России, вполне можно было

бы назвать «Шок от Советской России»: в не свойственной ему стилистике Дьюи с восхищением рассуждает об увиденном. Напомним читателю, что для России 1928 год был восьмым и последним годом НЭПа, когда смешанная (государственно-кооперативная и частная) экономика стала приносить свои позитивные плоды, страна стала выходить из разрухи, в которую ее повергли мировая и гражданская войны, наступила относительная стабильность, а наиболее яркими чертами культурной жизни, в том числе образования, были различного рода экспериментирования и инновации. (Уже в следующем, 1929 году, названном Сталиным «Годом великого перелома», курс, взятый на коллективизацию и индустриализацию с использованием политики Василия и террора по отношению к своим гражданам, обрушит это относительное благополучие).

Посетив Советскую Россию в ее, пожалуй, наиболее перспективной фазе, Дьюи посмотрел на нее с точки зрения его социал-реформистских воззрений и философии экспериментализма, морализма и просвещения. Он обнаружил то, чего он не наблюдал в США и других странах мира, но что считал главным — оптимизм и моральный энтузиазм людей, желающих построить новую жизнь, страсть, напоминающую духовный настрой первых христиан, к переустройству всего — мышления, образа жизни, взаимоотношений людей. Как большой позитив он отмечает мощное развитие коллективистских форм жизни — кооперативного, профсоюзного и др. — и вытеснение буржуазной индивидуалистической психологии коллективистским мышлением. Но особое удовлетворение у него вызывал просветительский настрой людей: люди толпами ходят в музеи, сообщая ведуг наступление на неграмотность, работают во всевозможных кружках, проявляют самодеятельность. Посетив многие образовательные учреждения и встретившись с педагогами-энтузиастами, применявших идеи прогрессивного обучения и трудового воспитания, Дьюи отмечает творческое и контекстуальное применение его идей и хорошие практические результаты. «Мне кажется, — замечает он, — что проще и полезнее оценивать происходящее сейчас в России как гигантский психологический эксперимент по трансформации мотивов, управляющих человеческим поведением» (с. 42). Он говорит о своем «чувстве зависти к работникам образования и культуры в России, — конечно же, не из-за материального статуса, а из-за того, что объединяющая все религиозная общественная вера делает жизнь простой и целостной» (с. 45-46).

Дьюи не был наивным туристом, за культурными достопримечательностями не видящим реалий жизни. Он был знаком с критической литературой о Советском Союзе, знал об экономических трудностях, политических репрессиях и идеологическом давлении. Причиной его несогласия с советологами, предрекавшими близкий крах СССР из-за экономических и политических причин, были убеждения, основывающиеся на философско-исторических воззрениях Дьюи: дух возрождения и новаторства, захвативший массы, в состоянии преодолеть ограниченности советского режима, ибо «даже в экономике суть проблем сводится к культуре и образованию» (с. 42).

Дьюи не утверждал с уверенностью, однако и не исключал того, что психологическое состояние масс и тяга людей к образованию — более важные, с его точки зрения факторы исторического движения и модернизации, нежели принимаемые сверху волонтаристские решения или доктринальные требования идеологии — принесут позитивные плоды. Отмечая несоответствие между жесткими марксистскими догмами и духом эксперимента, охватившим людей, Дьюи предполагал, что если не произойдет «какого-либо исключительного поворота в ходе событий», «русские после ряда попыток приспособиться к существующим условиям в их естественном развитии, в конце концов построят некую новую форму человеческой ассоциации. Я весьма сомневаюсь, что это будет коммунизм в том смысле, какой вкладывают в него вожди революции. Вероятно будет общество с высокой степенью добровольной кооперации и общественного контроля над накоплением и использованием капитала» (с. 46). Одним словом, Дьюи увидел в нашей стране множество благоприятных шансов подключения на свой собственный манер к динамике цивилизационного процесса. Сегодня мы можем сказать, что он обманулся в своих ожиданиях не потому, что был непрозорлив или зашорен своей философией, а потому, что был рационален. Имевшиеся шансы не были использованы в силу иррациональных причин — волонтаристских решений власти, следования идеологическим догмам, насаждения атмосферы страха и т.п., т.е. потому, что произошел как раз «исключительный поворот в естественном развитии событий».

Публикация в США «Впечатлений о Советской России» вызвала большой резонанс у американской интеллигенции. Многие увидели во «Впечатлениях» свидетельство авторитетного человека в пользу прекращения антисоветской кампании и необходимости установления более тесных связей с Советской Россией (дипломатические отношения между США и СССР еще не были установлены).

Можно сказать, что Дьюи внес свою лепту в распространение про-советских и прокоммунистических настроений среди интеллигенции в США. (Интересный факт: Дьюи всегда был сторонником разумного планирования общества, но вдохновленный увиденным в СССР, он выступил в 1931 году с идеей создания новой политической партии, основанной на принципах планирования).

Однако дальнейшее развитие событий в нашей стране круто изменило отношение Дьюи к опыту Советской России, точнее к ее политическому устройству. В начале 30-х годов до него стала доходить информация о ширящихся репрессиях в СССР (по-видимому, от М.Истмена и С.Хука). Прошедшие в Москве громкие судебные процессы по обвинению Г.Зиновьева, Л.Каменева, А.Рыкова и др. в шпионаже и контрреволюции, а также выдворение в 1929 г. Л.Троцкого из страны заставили его отложить академическую работу. Дьюи, которому тогда было около 80 лет, верный своей идее о единстве мысли и действия, возглавил общественную комиссию интеллектуалов, которая поехала в Мексику, чтобы провести независимое расследование выдвигаемых на Московских процессах обвинений Троцкого и его сына в шпионаже и контрреволюции. (Дьюи вовсе не разделял идеологических воззрений Троцкого, для него важен был только правовой аспект.) Состоявшийся в апреле 1937 года общественный суд вынес вердикт — «Не виновен». На суде были преданы широкой огласке факты террора и насилия над личностью, творимые в СССР. В газете «Вашингтон пост» (19 дек. 1937 г.), подводя итоги этому расследованию, Дьюи писал: «Великий урок всем американским радикалам и всем, симпатизирующим СССР, состоит в том, что они должны оглянуться назад и пересмотреть весь вопрос о средствах осуществления социальных изменений и о подлинно демократических методах подхода к социальному прогрессу... Диктатура пролетариата привела и, я убежден, всегда будет приводить к диктатуре по отношению и к пролетариату, и к партии. Я не вижу оснований думать, что нечто подобное не может произойти в любой другой стране, в которой будет предпринята попытка установить коммунистическое правительство»*.

В 30-е годы годы подъема коммунистического движения и распространения марксизма, вошедшие в историю Америки, как «красное десятилетие», деятельность возглавляемой Дьюи комиссии многими интеллектуалами была встречена в штыки. Его запугивали и

---

* Взято из: *Bernstein R.J. Dewey, Democracy: The Task Ahead Us // Post-Analytic Philosophy.* N. Y., 1985. P. 49.

называли ренегатом. В ответ на критику по инициативе Сиднея Хука был организован «Комитет за свободу культуры», который согласился возглавить Дж. Дьюи. Комитет выпустил обращение, подписанное 140 американцами, в котором прокоммунистически настроенным интеллектуалам высказывался упрек: осуждая подавление интеллектуальных свобод в фашистской Германии, они закрывают глаза на такое же подавление свобод в СССР. В ответ коммунисты США собрали более 400 подписей известных деятелей культуры под обращением, в котором говорилось, что сравнение советской системы с фашизмом является «чудовищной ложью» и что Россия не имеет ничего общего с фашистской Германией, а те, кто утверждает подобное — стремятся подорвать антифашистский фронт, возглавляемый Советской Россией. Это обращение было опубликовано 14 акт. 1939 г., а неделю спустя был подписан советско-германский пакт «Риббентроп-Молотов» и начался раздел Польши.

Представленный вниманию российского читателя очерк Дьюи «Впечатления о Советской России» — важный исторический документ о нашей стране, какой она была в 1928 году, содержащий наблюдения честного, умного и проницательного человека. Документ не потерял своей актуальности и сегодня: занимающиеся темой «судьба России» найдут во «Впечатлениях» очень много для себя поучительного. Богатый материал почерпнут для себя те, кто пожелает заняться социально-философскими воззрениями Дьюи. И еще. Публикация на русском языке «Впечатлений о Советской России» в какой-то мере поможет, я надеюсь, развеять расхожий образ Дьюи — и как личности, и как философа, — в частности, легенду о его гипертрофированном американизме. В советской литературе после 1937 года к нему прочно был приклеен ярлык «идеолог американского империализма», однако и на Западе его тесно уязвляли именно с американским контекстом, например, Бертран Рассел видел в философии Дьюи «рационализацию американского опыта». В замечании Рассела есть резон только в том смысле, что философ всегда рассматривает мир через призму его культуры, тем не менее Дьюи вряд ли можно обвинить в почвенническом крене, а тем более в апологетике американского империализма. При всем том, что он рассматривал жизнь других людей, сравнивая ее с американской жизнью, он понимал ограниченность американской практики и, как может убедиться читатель из публикуемого ниже текста, относился к ней во многом критически. Он внимательно вглядывался в социальные и культурные устройства других народов, посетил Турцию, Мексику, Китай, Японию. Одним словом, Дьюи был прежде всего социал-

---

реформистом, для которого демократия — это отнюдь не решенная в соответствии с американской моделью задача, а «всегда задача, стоящая перед вами». С высоты конца XX века более правильно было бы назвать его «философом модернизма, демократии и гуманизма» в самом полном смысле этих слов.

Перевод выполнен моей бывшей аспиранткой Мариной Григорьевной Иващенко, написавшей хорошую диссертацию «Концепция опыта Джона Дьюи: история и современность».